

(Серия "Исследования по фольклору и мифологии Востока"). М.: Наука, 1986 234 с. 9. Записки Юлия Цезаря / Пер. и коммент. М.М. Покровского; Гай Саллюстий Крисп. Сочинения / Пер., статья и коммент. В.О. Горенштейна. М.: ООО "Издательство АСТ", Ладомир, 2001. 752 с. 10. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада: Пер. с фр. /Общ. ред. Ю.Л. Бессмертного; послесловие А.Я. Гуревича. М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 376 с. 11. Ле Гофф Ж. Труд // Словарь средневековой культуры /Под общ. ред. А.Я. Гуревича. М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 2003. С. 533-537. 12. Ле Гофф Ж. Середньовічна уява /Пер. з франц. Я. Кравця. – Львів: Літопис, 2007. – 350 с. 13. Ле Гофф Ж. Средневековье и деньги: очерк исторической антропологии. СПб.: Евразия, 2010. 224 с. 14. Леликов Л.А. [Рец. на кн.]: Dumezil G. Appolon sonore et autre essays. P., 1992; Ebenda. La courtisane et les seigneurs colores. P., 1983 // Народы Азии и Африки. 1985. № 3. С. 194-200. 15. Медведев А.П. В поисках

древнейших социальных структур индоевропейцев (к 100-летию Ж. Дюмезиля) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия 1: Гуманитарные науки. 1997. № 2. С. 99-113. 16. Решин А.И. Дар и некоторые аспекты становления феодализма в современной медиавистике //Средние века. 2004. Вып. 65. С. 3-44. 17. Сванидзе А.А. Средневековый город и рынок в Швеции. XIII-XV вв. М.: Наука, 1980 359 с. 18. Широкова Н.С. Мифы кельтских народов. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. 421 с. (Мифы народов мира). 19. Adalberonis Carmen ad Rotbertum regem. Режим доступу: http://www.forumromanum.org/literature/adalbero_laudunensis/carmen.html. 20. Banaszkiewicz J. Jedność porządku przestrzennego, społecznego i tradycji początków ludu. (Uwagi o urządzeniu wspólnoty plemennie-państwowej u Słowian) // Przegląd Historyczny. 1986. T. LXXVII. Z. 3. S. 445-466.

Надійшла до редколегії 19.01.11

И. Краснова, д-р ист. наук, проф.

ФЛОРЕНТИЙСКАЯ "LIBERTAS" КАК ГРАЖДАНСКОЕ ПОЛНОПРАВИЕ: ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ

В статье рассматривается смысл и содержание высказываний и топосов о свободе в хрониках, дневниках, воспоминаниях и семейных книгах, созданных флорентийскими горожанами, а также анализируется понятие свободы, как реализации совокупности гражданских и политических прав в обществе.

The article discusses the meaning and content of speech of liberty in the chronicles, diaries, memoirs and family books, created by Florentine citizens, but also analyzes the notion of liberty as the realization set of civil and political rights in society.

До конца XIV в. в коммуне Флоренции не было создано никаких трудов, в которых граждане пытались бы обобщить и осмыслить собственный политический опыт. Первые произведения такого рода вышли из-под пера представителей гражданского гуманизма – Колюччо Салютати, затем Леонардо Бруни. Однако флорентийцы много рассуждали о своем городе-государстве на уровне обыденного сознания – в хрониках, дневниках (Diarii), памятных записках (Ricordi, ricordanze), семейных книгах и частной переписке. Историкам приходится обращаться именно к этому комплексу источников, где мнения высказывались бессистемно и хаотично, интерпретации часто выражали коллективные ментальные установки, смутные чаяния или эмоциональные состояния, возникающие в связи с теми или иными политическими событиями. Однако ценность подобных суждений трудно переоценить именно вследствие их спонтанности, отсутствия риторических формул и литературной отделки, хотя, разумеется, следует учитывать наличие речевых топосов и массовых стереотипов. Одним из таких топосов, постоянно встречающихся в вышеуказанных источниках, являлись рассуждения о флорентийской "свободе".

В XIV-XV вв. мнения флорентийских граждан о свободе своего государства выражались в двух аспектах: во-первых, политический суверенитет как фактическая независимость от внешних сил – иноземных императоров, королей и тиранов, при том, что формально республика на Арно могла в той или иной степени признавать их власть. Но в понимание свободы как основополагающей ценности городского социума вкладывался и иной смысл: представление о комплексе полноправия каждого гражданина, его возможности реализовывать политические права и в какой-то мере демократические свободы, в особенности – свободу устного или письменного слова, часто на практике оборачивающуюся критикой действий городских властей или существующего политического режима.

В истории Флорентийской республики указанного периода одновременно проявлялись и противоречиво взаимодействовали две тенденции – олигархическая и демократическая. Иногда одна из них превалировала в течение определенного периода времени. Например, 1343-1382 гг. – этап преобладания демократических начал, когда в Синьории и Советах большинство мест

принадлежало представителям средних и младших цехов [1, Р. 13-16; 2, Р. 304-307]; 1382-1434 гг. – этап нарастания признаков олигархического правления, когда реальное и решающее влияние на властные структуры оказывал не очень широкий круг городских фамилий, составляющих политическую элиту, но так и не сформировавшихся в патрицианскую страту по венецианскому образцу. Нарастание олигархических тенденций отличалось парадоксальным характером – одновременно расширялось число тех, кто имел право избирать и быть избранным: с 1382 по 1411 – до 5000, в 1411 – до 5500, в 1433 – 6354. Представители олигархии явно стремились к расширению базы политического консенсуса [3, Р. 117-118].

Из представителей младших и средних цехов лишь 1/3 лиц могла хотя бы один раз в течение жизни достичь поста высшего уровня, требующего пребывания в палатце Синьории. 14 младших цехов давали самый низкий процент участия, из 5000 граждан, которые оказались в списках от этих цехов между 1343 и 1378 гг. только 9 смогли стать приорами [4, Р. 312]. И все равно большая часть населения была заинтересована даже в том, чтобы попасть в избирательные списки [5]. Наличие своего имени или имен родственников в списках на ту или иную должность являлось маркером социально-политического престижа, уважения в обществе, предметом гордости сыновей, внуков и более отдаленных потомков. Флорентийский гражданин Лука да Панцано дельи ФиридоЛЬфи с законной гордостью вспоминал об основных вехах своей политической карьеры в своих мемориях: в 1427 г. – гонфалоньер компании, в 1430 г. – блюститель законов, 1431 г. – жребий с его именем был вытнут из избирательной суммы на высший пост – гонфалоньера справедливости, но отклонен по возрасту, поскольку Лука да Панцано не достиг еще необходимых тогда 45 лет; в 1432 г. – он стал одним из коллегии "6 Мерканция" – подобия торговой палаты во Флоренции. Последней должностью он был особенно удовлетворен: "Этот пост занимали выходцы из древнейших и благороднейших фамилий, но никто и никогда – из нашего дома ФиридоЛЬфи" [6, Р. 154-155]. Но при этом он избирался на множество младших должностей: один из управляющих "Госпиталем невинных" (Ospedale degli Innocenti), камарлинг (кассир) Камеры Коммуны; в 1433 г. он вошел в коллегию "8 Гвардии" –

ведомства государственной безопасности с ежемесячным жалованьем 8 флоринов в месяц [6, Р. 154-155].

Во времена правления тощего народа (1378-1382) впервые избираемые на старшие государственные должности представители младших цехов и наемных работников, выражали наивную радость, гордясь этими отличиями. До нас дошла созданная в XVII в. копия части семейной книги некоего рабочего Паголо ди сер Гвидо, стригалья, одного из непосредственных участников восстания чомпи. Он был сыном мелкого нотариуса или школьного учителя, который, видимо, научил его писать. Но сам себя он именовал *simatore* – стригаль, а в регистре налоговых записей апреля 1378 г. он обозначен, как *opello* – лакировщик или сусальщик. Он обитал в Ольтарно, в гонфалоне "Лестница" и был беден: его обложение по займу – 93 сольди, а его дети в 1404 г. платили много меньше. Этот Паголо впервые начал исполнять общественные обязанности с осени 1378 г., а в феврале 1379 он был выбран *aroto* – членом избирательной комиссии от гонфалона "Лестница", о чем заявлял в своих мемуарах: "Сделали список приоров в феврале 1378 (по флор. стилю). Я, Паголо ди сер Гвидо был избран *aroto* благодаря Бартоломео ди Джованни от гонфалона "Лестница". Я занимался вот чем: кто получал 2/3 черных бобов, тех помещали и в старый, и в новый списки Приоров, "12-и добрых мужей" и Гонфалоньеров Компании, а кто набирал простое большинство голосов, тех помещали только в новый список. Я, Паголо ди сер Гвидо, стригаль, делал единый список" [7, Р. 271-272, 275]. Именно это событие является центральным в краткой памятной записке, составленной по сути дела простым рабочим.

Даже в том случае, если просвещенные и близкие к гуманистическим кругам флорентийцы в первой половине XV в. демонстрировали политический абсентеизм, они все же указывали на желательность занесения имен представителей своей семьи в избирательные списки, как символа признания их достоинств [8, Р. 38-39]. Один из очень богатых граждан Флоренции XV в. Джованни Ручеллаи, который был отстранен от участия в политической жизни, поскольку являлся зятем политического изгнанника и противника Козимо Медичи, в своей "Записной Книжке" утверждал отказ от участия в управлении государством, наставляя своих сыновей так: "Не советую вам, Пандольфо и Бернардо, желать и добиваться государственных должностей. Никакое другое дело не ценится менее и не кажется мне более бесчестным, чем исполнение государственных должностей..." [9, Р. 39]. Однако проявляемый им политический абсентеизм нельзя считать категорическим: наличие имен в избирательных сумках – знак лояльности и признания в обществе, к этому следует стремиться, хотя и не стоит отдавать предпочтения публичной деятельности перед другими жизненными ценностями: "Я не говорю, что мне не понравится, если ваши имена окажутся в сумках, и вы будете удостоены этой почестью, как и другие граждане, но не иначе как только для того, чтобы не быть в подозрении у правительства, и жить в почете и согласии с гражданами..." [9, Р. 39]. Таким образом, даже те жители Флоренции, которые по разным причинам отказывались от участия в политической деятельности, стремились попасть в списки на должности, поскольку наличие имени в избирательных сумках являлось показателем лояльности и признания в обществе.

В менталитете флорентийцев глубоко укоренилась фундаментальная заповедь республиканизма: формирование политического курса путем коллективного обсуждения. С середины XIV в. флорентийская Синьория расширяла доступ граждан к решению важнейших по-

литических вопросов. После 1343 г. Синьория и другие магистратуры, принимая постановления по наиболее значимым делам, были вынуждены считаться с мнением цеховых уполномоченных (*capitudini*). В этот же период все чаще созывались дополнительные Пратики (*Pratica*) – экспертные коллегии, куда приглашались опытные и компетентные граждане для специального изучения и вынесения решений по какому-либо сложному вопросу. Кроме того, практиковались собрания "Призванных" (*richiesti*) – граждан, считавшихся "мудрыми", которые вместе с Синьорией и ее коллегиями обсуждали насущные дела. Этот принцип признавался правильным даже столетие спустя, в последние годы флорентийской республики [10, Р. 75].

Право коллективных и нестесненных обсуждений объявлялось одним из оплотов свободы и выражения полноправия, что фиксировалось во многих преамбулах постановлений, принятых в результате коллективных решений: "Для сохранения свободы и благосостояния управления республиканскими делами, ничего, кажется, нет более благоприятного, чем свободный дух дискуссий" [11, Р. 81.]. Эти дополнительные совещания загромождали и без того запутанную систему властных органов, чрезвычайно замедляя принятие решений даже по наиболее животрепещущим вопросам, что неоднократно становилось предметом критики и насмешек флорентийских граждан. Например, хронист Маттео Виллани заявлял: "Коммуна Флоренция, которая по своей природе и по древнему обычаю всегда запаздывает с делами, потому что решает их на многих советах" [12]. Тем не менее, несмотря на многократно предпринимаемые попытки с 70-х гг. XIV в. ограничить свободное выражение мнений в Советах, граждане города на Арно считали его своим неотъемлемым правом, и болезненно реагировали на все попытки лишить их свободы слова. Хотя Синьория могла игнорировать мнение указанных консультативных совещаний и экспертных коллегий, но крайне редко случалось, чтобы приоры отнеслись с пренебрежением к единодушному мнению, высказанному на этих собраниях. Эта процедура являлась частью неписаного кода политической жизни города.

Например, анонимный хронист писал о том, как в 1390 г., когда началась война с миланским герцогом Джангалеаццо Висконти (1389-1402), то к чрезвычайной коллегии "10 Балии", избранной для руководства военными действиями и наймом войск, добавили по требованию многих граждан еще 4-х опытных политиков: "Это было сделано, потому что многим гражданам казалось, что в столь великой войне нужны люди более практичные, нежели те, которые тогда состояли в Балии, а иные утверждали, что в "10 Балии" только трое пригодны для нужд войны; и говорили между собой граждане, чтобы Приоры сделали доброе добавление к этой коллегии из людей самых мудрых и опытных" [13, Р. 99].

Эта же Анонимная хроника, как и другие источники, свидетельствовала о гласности в области внутренней и внешней политики. В 1396 г., когда во Флоренцию приходили письма от герцога Джангалеаццо Висконти, Приоры собирали Генеральные Советы, на каждом из которых присутствовали более 600 специально приглашенных граждан, которым зачитывали и показывали эти письма. Эти горожане советовали Приорам, чтобы те отдали приказ "10 Балии" начать подготовку к войне, и "предпринимали любые средства для сокрушения и уничтожения Герцога Миланского, и Приоры последовали советам, данным объединившимися гражданами" [13, Р. 211-212]. Горожане очень дорожили правом коллективного обсуждения, хотя прекрасно понимали проистекающие из сравнительно широкой гласности отри-

цательные стороны, в частности, невозможность сохранять государственные тайны в условиях коллегиального управления.

Ущемление политических прав и ограничение свободы волеизъявления флорентийских граждан могли привести к социальным взрывам. Прямое тому свидетельство – нарастание негативных настроений, вызванных засильем партии гвельфов (1358-1378). В этот период партия пользовалась неограниченным правом отстранять граждан от участия в управлении путем "предупреждений" (*ammonizione*) и бесконтрольной возможностью объявлять их гибеллинами, что влекло за собой конфискацию имущества и высылку из города. Далеко не всегда авторы, высказывающие свои возмущения действиями партийных структур, являлись жертвами "архигвельфов", как называли капитанов и заправил партии некоторые хронисты. Но все они выражали крайнее недовольство "тираническим" попранием своих гражданских прав. Интересны комментарии, высказываемые по этому поводу: "ненасытная жажда к пребыванию на постах, свойственная нашим горожанам", "алчное стремление к тому, чтобы попасть в списки и быть избранными" – так объясняли сами флорентийцы свое неприятие аммоничий [14, Р. 307-308]. Хронист Стефани подчеркивал, что "аммонированные" не изгонялись из города и сохраняли все права владения недвижимостью и капиталами, но трагически переживали ограничение в политических правах, которыми они привыкли пользоваться. Но и те граждане, которые оставались у власти, выражали недовольство ограничениями их свободного волеизъявления со стороны Капитанов и видных функционеров Партии, оказывающих на членов Синьории и Коллегий нажим и давление угрозами и демаршами, чтобы склонить их к принятию нужного решения [12, Р. 45-46.]. Хронист Маркьонне Стефани рисовал довольно безотрадную картину, утверждая, что с 1374 г. люди по большей части стремились не появляться в общественных местах, а отсиживаться по домам, чтобы их не принуждали говорить на площадях и в Палаццо Синьории в пользу гвельфской партии. "Никто и пикнуть не осмеливался, потому что никто не хотел репрессий. Многие добрые и миролюбивые граждане были запуганы". Избранные приорами не радовались этому, поскольку вынуждены были выступать за партию, чтобы их не объявили гибеллинами. Горожанам не прощали даже молчания и нейтральных позиций, требуя от них активно демонстрировать преданность гвельфской партии [20, Р. 301-302]. Такая атмосфера удручала и озлобляла население города, которое слишком привыкло открыто высказывать свои мнения. Разумеется, авторы, фрагменты из хроник и дневников которых здесь приведены, являлись противниками партии гвельфов, поскольку сами пострадали от ее репрессий, но если судить по всему кругу хроник, анналов и мемуаров, составленных теми, кто обитал в городе в 60-70-е годы XIV в., противников засилья партии окажется больше, чем ее сторонников.

Неудивительно, что эти настроения спровоцировали летом 1378 г. цепь событий, известную в истории как "восстание чомпи": "22 июня 1378 г. ... сожгли дома многих горожан, каковые... творили великие несправедливости... стремились отстранить всех граждан от должностей в коммуне, заявляя, что они являются гибеллинами... отстраняли добрых граждан от почестей и наград, подвергая подозрению в Партии, чтобы заполучить Синьорию в свои руки... производя это, они поступали против коммун и блага города [15, Р. 95]. В течение 1378-1382 гг. общество упорно боролось против тиранических тенденций гвельфской партии и по-

бедило: реформы 1382 г. лишили партию "физического капитала", крайне ослабив ее институты и поставив их под контроль коммунального правительства – Синьории.

Несмотря на осознание недостатков устройства своего государства, гражданам Флорентийской коммуны была свойственна гордость политическим строем Флоренции. Кульминационным моментом в этом плане являлся период 1389-1402 гг., в течение которого город на Арно сражался с Джангалеаццо Висконти и одержал победу. Через несколько лет после победы появилась апологетическая хроника Грегорио Дати, члена цеха производителей шелка (Сета) и купца, в которой он показал преимущества республиканского устройства Флоренции по сравнению с синьориальным режимом Джан Галеаццо Висконти [16]. Важно отметить, что "История Флоренции" Дати была написана раньше "Истории" гуманиста Леонардо Бруни. Осуждая все формы тирании, Дати наихудшим ее видом считал режим герцога Висконти в Милане. Жизнестойкость и способность к развитию и процветанию "Великолепной Коммуны Флоренции" этот бессменный консул цеха Сета противопоставлял обреченности и нежизнеспособности режима, который стремился установить "тиран Ломбардии": "Быть завоеванными и стать зависимыми никогда не было возможно для флорентийцев; это чуждо и противно их уму, как идея, с которой они не могут примириться даже в мыслях. Всегда они знали, что располагают многими возможностями, свободное и уверенное в себе сердце отыщет способ обрести эти возможности. Коммуна не может умереть, а Герцог всего лишь смертный человек, и как только придет ему конец, придет конец и его государству ... поэтому флорентийцы не знали отдыха, когда изнашивалась или проваливалась одна возможность, они немедленно обращались к другой" – резюмировал он, утверждая свободу и коммунальную идентичность в качестве главной ценности республиканского народовластия [16, Р. 74]. Целую главу в своей "Истории" Грегорио Дати посвятил устройству политического строя Флоренции, в котором он видел главную гарантию превосходства своего государства над другими коммунами и синьориями и основу для патриотического настроения граждан, обладающих правами и имеющих доступ к власти [16]. Сами флорентийцы рассматривали свое правление, как "доброе и прекрасное", позволяющее достигать общественного блага в наибольшей степени [20, Р. 294]. Можно согласиться с мнением одного современного американского историка о том, что принципы выборности и определенная свобода высказываний "стали основой мифа, популяризированного Леонардо Бруни, состоящего в том, что флорентийские граждане получили равную надежду на получение высоких должностей" [17, Р. 445-453. 18, Р. 419, 556-557].

Первая треть XV в. стала временем определенной зрелости представлений о государственном устройстве в сознании граждан Флоренции, проявившейся в полноте суждений. Восхвалениям Грегорио Дати можно противопоставить наполненные ядовитой критикой на недостатки политического режима олигархии и наиболее видных представителей правящей элиты исторические сочинения Джованни ди Симоне Кавальканти [19]. Но и последний в общем не сомневался в непреходящей ценности республиканского устройства и был далек от проектов его трансформации, которые станут появляться под пером обычных граждан только с 60-х гг. XV в.

1. Guidi G. Il governo della città-repubblica di Firenze del primo Quattrocento. T. II Gli istituti "Di Dentro" che componevano il governo di Firenze nel 1415. Firenze, 1981. 2. Ugolini G. Moti popolari e potere nell'esperienze fiorentine del Trecento // Un'altra Firenze (l'epoca di Cosimo il

Vecchio). Firenze, 1973. 3. Rubinstein N. Il regime politico di Firenze dopo il Tumulto dei ciompi // Il Tumulto dei ciompi. Un momento di storia fiorentina ed europea. Firenze, 1981. 4. Saporì A. L'arte degli albergatori in Firenze nel Trecento // Archivio storico italiano. Firenze. CXIII. 1955. 5. Luzzatti M. Firenze e la Toscana nel medioevo: Seicento anni per la costruzione. Torino, 1986. 6. Luca da Panzano. Ricordanze // Carnesecchi C. Un fiorentino del secolo XV e le sue ricordanze domestiche. Frammenti della cronaca di messer Luca di Totto da Panzano dei Firdolfi // Archivio storico italiano. Firenze. IV. 1889. 7. Libro di memorie e ricordi di Pagolo di Ser Guido cimatore // Stella A. La rivolte des Ciompi. Les hommes, les lieux, le travail. Paris, 1993. 8. Ciappelli G. Una famiglia e le sue ricordanze. I Castellani di Firenze nel Tre-Quattrocento. Firenze, 1995. 9. Rucellai G. La vita civile // Giovanni Rucellai ed il suo Zibaldone. A cura di A. Perosa. London, 1960. 10. Gilbert F. Florentine Political Assumptions in the period of Savonarola and Soderini // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. XX. 1957. 11. Bruker G. Florentine Politics and society. 1343-1378.

Princeton, 1962. 12. Villani M. Cronica di Matteo Villani a miglior lezione ridotta coll'aiuto de' testi a penna. T. V. Firenze, 1826. 13. Florentinus Anonimus. Cronica volgare di anonimo fiorentino dall'anno 1385 al 1409, attribuita a Piero di Giovanni Minerbetti. Prefazione di Domenico Maria Manni // Rerum italicarum scriptores. T. 27. Città di Castello, 1915. 14. Cronaca fiorentina Marchionne di Coppo Stefani. A cura di N. Rodolico // Rerum italicarum scriptores. Città di Castello, 1903. T. XXX. P. I. Rubr. 15. Diario Compagniano // G. O. Corazzini. I Ciompi. Cronache e documenti. Firenze, 1887. 16. Dati G. Istoria di Firenze di Goro Dati dall'anno 1380 all'anno 1405. A cura di Luigi Pratesi. Norcia, 1904. 17. Rubinstein N. Florentine Constitutionalism and Medici in the Fifteenth Century // Rubinstein N. Florentine Studies. Evanston, 1968. 18. Baron H. The Crisis of the Early Italian Renaissance. Princeton, 1966. P. 419. 19. Cavalcanti G. Nuova opera. Ed. A. Monti. Paris, 1989. 20. Stefani M. Rubr. 775. P. 307-308; Rubr. 755. P. 295; Rubr. 786. P. 314; Rubr. 766. P. 301-302.

Надійшла до редколегії 19.01.11

В. Крижанівська, канд. іст. наук, доц.

АРОН ЯКОВИЧ ГУРЕВИЧ ТА ОСНОВНІ ПРОБЛЕМИ ІСТОРИЧНОЇ АНТРОПОЛОГІЇ

В статті розкриваються витоки становлення історичної антропології у російській медієвістиці та роль А. Я. Гуревича у цьому процесі.

The article describes the origins of the formation of historical anthropology in the Russian medieval studies and the role of A. Ya Gurevich in this process.

У сучасній історичній науці існують різні підходи до вивчення історичного процесу і жоден із них не є домінуючим. Світ змінюється дуже швидко і разом із ним змінюється і ракурси вивчення історії. У другій половині ХХ ст. дістав визнання історико – антропологічний підхід як одна з провідних тенденцій в історіографії. Головний об'єкт дослідження історичної антропології – людина, а не окремі історичні події. Стрижнем такого підходу є історія ментальностей. "Всі зрізи історії – політику, економіку, право, побут, мистецтво, філософію, поезію і т.д. – потрібно навчитися розуміти таким чином, щоб вони були засобами проникнення в життєдіяльність людей досліджуваної епохи" [1, С. 181], – наголошував А.Я.Гуревич. Акцент у історичному пізнанні мав зміститися з історії подій, які, за словами П.Берка, "мало не опинилися поза увагою" [2, С. 28], на вивчення людської особистості, "живої людини із плоти і крові".

Соціолог Норберт Еліас звернув увагу на те, що вивчення суспільства відірвалось від вивчення індивіда. Для традиційної історіографії всебічне вивчення особистості у всіх виявах її свідомості (ставлення до природи, часу і простору, багатства і бідності тощо) та особливостей поведінки не було характерним. В поле зору істориків рідко потрапляли представники "мовчазної більшості", а без пізнання способу їх мислення реконструкція соціально-історичну дійсність була неповною.

Основні принципи та проблеми історичної антропології в Росії визначив видатний вчений-медієвіст А. Я. Гуревич (1924 – 2006). Він був натхненником і головним редактором альманаху "Одиссей. Человек в истории" (виходить з 1989 р.). Саме з цим виданням пов'язано становлення нового наукового напрямку в Росії. У передмові до першого випуску "Одиссея" А.Я. Гуревич сформулював головне завдання – стимулювати зусилля істориків та інших гуманітаріїв, які вивчають суспільну свідомість, щоб "подолати розрив між історією суспільства та історією культури". На його думку, "послідовне використання в історичному дослідженні "антропологічного виміру" передбачає розширення горизонтів історичної науки, освоєння нею нових "територій", нетрадиційних проблем і, відповідно, використання нових методів і підходів" [3, С. 4-5].

Формування нових принципів пізнання А.Я.Гуревича відбувалося під впливом знайомства і творчого переосмислення здобутків "Нової історичної науки". Різницю між старою і новою історією підсумував Пітер Берк, зазначивши, що "нова історія для багатьох асоціюється з

Л.Февром і М.Блоком, але вони не були одиноки і альтернативна історія має довгу передісторію" [4, С. 15, 17]. Адже історична антропологія формувалася під впливом успіхів етнології, а також досягнень вчених французької, російської, американської, німецької, італійської національних шкіл. А.Я.Гуревич вважає, що не можна не згадати про імпульси, отримані нею від соціології Е.Дюркгейма, структуралізму К.Леві-Строса, та соціально-культурної антропології. Але саме історіографічна традиція школи "Анналів" була визначальною.

Термін "історична антропологія" А.Я.Гуревич виверстив вперше в 1984 р., але пошуки і освоєння нових підходів до вивчення історичного процесу він розпочав ще в 60-х роках ХХ ст., познайомившись із працями істориків школи "Анналів": "Я щасливчик, тому що, коли ми тут, як сліпі котенята, шукали свої шляхи, своєчасно прислухався до того нового, що народжувалося у працях провідних істориків на Заході" [1, С. 117]. Він підкреслював, що "доводилось заново вчитися, вторгаючись у сусідні з історією дисципліни – культурну антропологію, соціологію і соціальну психологію, семіотику та історичну поетику... Праці Макса Вебера, дослідження етнологів і антропологів, датського історика Гренбека, французів Мосса, Блока і Февра, голландця Хейзинги, наших співвітчизників Карсавіна, Бахтіна, Лотмана стали моїми настільними книгами" [5, С. 12].

На думку А.Я.Гуревича, спроби наблизитися до внутрішнього світу "пересічної людини", вперше були зроблені Л.Карсавіним та П.Біциллі ще на початку ХХ ст. Зокрема, П.М.Біциллі у праці "Елементи середньовічної культури" дав глибоку характеристику людини Середньовіччя і Ренесансу, сприйняття нею оточуючого світу, зміни в її світобаченні.

Аналізуючи глибинні зміни у природі і методах історичного пізнання, А.Я.Гуревич, у автобіографічній праці "Історія історика", зазначав: "...Вже в першій третині ХХ ст. у західній історичній думці були висунуті зовсім інші методологічні принципи історичного дослідження. Відбувалося формування і ствердження ідей неокантіанської епістемології. Центр тяжіння було перенесено з онтології на гносеологію. Перед істориками поставало нове порівняно з ХІХ ст. – століттям панування позитивізму – питання про можливості пізнання історії" [1, С.117]. Саме неокантіанська методологія внесла великі зміни в історичне пізнання. Прихильники неокантіанства великого значення надавали ролі мислення. Історію стали розуміти не як ланцюг подій, а як зміни